

Вместо предисловия

Всю жизнь я очень любила животных, и сколько себя помню, всегда у меня воспитывались какие-нибудь птенцы, щенята, зайчата...

Мне нравилось, когда меня дома встречали раскрытые рты галчат, сорок, когда серенькие желторотые воробышки не улетали от протянутой руки, а зайчата смело прыгали ко мне на колени.

В шестнадцать лет я поступила в кружок юных биологов Зоопарка. Руководил этим кружком известный натуралист и большой любитель природы Пётр Александрович Мантейфель. Он учил нас любить животных, беречь и изучать природу.

Наш кружок был небольшой и очень дружный. Мы помогали служителям убирать клетки, кормить зверей и птиц, научным сотрудникам — наблюдать животных, записывали в дневники их поведение, взвешивали звериных малышей и следили за их ростом.

В то время Зоопарк был совсем не такой, как сейчас. Помещения, в которых находились животные, были тесные, неудобные. Многие клетки пустовали, потому что зверей и птиц было очень мало.

Но вот с конца 1924 года Зоопарк начал пополняться животными. Их привозили большими партиями со всех частей света. Им уже не хватало места, и везде, где возможно, стали строить новые загоны, клетки, а старые расширять и делать удобней.

В то же время приступили к постройке Новой территории Зоопарка. Новой она была и по своему устройству. Для диких коз там делали большие загоны с искусственными горами, для хищников — просторные выгулы, где глубокий ров, наполненный водою, заменял решётку, а стены примыкали к высокому, похожему на скалу помещению, внутри которого находились клетки.

Все эти сооружения росли на наших глазах. Каждый камешек был знаком нам, членам кружка юных биологов, и в свободное время все мы старались хоть чем-нибудь помочь Зоопарку.

Конечно, мы не могли участвовать в постройке помещений, но зато немало сделали, чтобы озеленить все свободные площадки парка, засадить их деревьями и кустами.

Если вы сейчас пойдёте на Новую территорию Зоопарка, то увидите там небольшое болотце. Раньше на этом месте была низина, покрытая травой и редкими кустами. Потом нам предложили сделать из неё

болото. Сделать болото! Это звучит даже странно. Мы привыкли слышать, что у нас в стране осушают тысячи гектаров болотистой почвы, а тут вдруг сделать болото, да ещё в Москве! Однако нам не показалось это странным.

Через несколько дней мы уже собрались, взяли с собой мешки, лопаты, вёдра и поехали на Царицынские пруды. Там осторожно, чтобы не потревожить корни, выкапывали кочки, заросшие осокой, камышом или плакун-травой, обёртывали их сырыми мешками, укладывали на машины и привозили в Зоопарк.

При посадке зелени на новом месте каждый из ребят имел свой участок. И вот на отмелях будущего болота мы начали устанавливать и укреплять кочки. Это было очень трудно, гораздо труднее, чем сажать самые нежные цветы.

Осторожно и терпеливо высаживали мы их на искусственно сделанные возвышенности, обкладывали дёрном и по нескольку раз в день поливали водой. Потрудились мы немало. Зато сколько было радости, когда вся зелень привилась и низину залили водой! Она стала выглядеть, как настоящее болото, и в этот, пожалуй, самый красивый уголок Зоопарка перевели длинноногих цапель, розовых фламинго, лысух и многих других птиц.

Когда Новая территория была достроена, её стали заполнять разными животными. Перевезли на Турью горку яков, туров, козерогов, на Полярный мир — белых медведей, песцов, а на Остров зверей — тигров, медведей, волков и других хищников.

Поместили хищников сначала в клетках, расположенных во внутренней части острова, — оттуда были выходы в просторные выгулы. Но прежде чем открыть

Зоопарк, нужно было выпустить зверей и проверить, не могут ли они перепрыгнуть ров. Сделать это нужно было на рассвете, когда город спал.

В день выпуска зверей мало кто из сотрудников пошёл домой. Я же хотя и ушла, но волновалась — боялась проспать, и в три часа ночи пошла обратно. Пришла рано, но все уже были в сборе.

Первым открыли дверь тиграм. Пять огромных полосатых кошек осторожно сделали несколько шагов и сели. Они никогда не знали свободы. Рождённым в неволе и выросшим на деревянном полу клетки, им было незнакомо ощущение земли. Как маленькие беспомощные котята, дрожали от страха эти сильные, большие звери. Но постепенно они освоились и стали искать выход. Поднимались на задние лапы, обнюхивали стены, пробовали прыгать через ров. Но перепрыгнуть его не могли. Попадали в воду, фыркали, спешили скорей выбраться на сушу: их пугала не только ширина рва, но и низкая температура воды. Оставив на всякий случай около тигров дежурных, мы пошли выпускать барсов.

Их было два. Обоих совсем недавно привезли из Средней Азии. Поймали барсов в капкан, и один из них остался хромым. Выгнать барсов из помещения оказалось очень трудно. Они забились в угол клетки и никак не хотели выходить.

Наконец после долгих усилий одного удалось выгнать.

Очутившись на открытой площадке, он весь съёжился. Увидев людей, зашипел, прижался к земле и вдруг легко, словно по дорожке знакомых гор, взбежал по крутой стене. Всё это случилось очень быстро. Так быстро, что никто не успел помешать зверю следующим прыжком очутиться на скале, где он скрылся в

чердачном окне Острова зверей. Через несколько минут все окна были забиты. Поймали барса лишь на следующий день. Однако после побега его пришлось посадить в прежнюю клетку, а в загон барсов поместили волков.

Но вот наконец всё было готово. Клетки, загоны и выгулы заполнены животными. Свежим жёлтым песком посыпаны дорожки парка, по которым ещё не ступала нога посетителя. А вот и сами мы, гордые, счастливые помощники, широко распахиваем ворота Зоопарка и встречаем тех, кто пришёл сегодня к нам первым.

Так открылся новый Зоопарк и новые возможности для работы.

Ещё и раньше в Зоопарке велись большие научные работы. Но теперь Зоопарк не хранил их в тайне, как было принято до революции, а, наоборот, делился своими успехами с другими зоопарками и зверосовхозами. Ведь совсем недавно, самая богатая пушными зверями, наша страна была и самой отсталой. Зверей выбивали промышленники и продавали купцам, которые были заинтересованы лишь в мясе и шкуре животных, а не в их разведении и охране. Так был истреблён зубр, населявший леса Кавказа. Быстро убывали соболь, бобр, лось и многие другие животные. Теперь совсем не то. Сейчас не только сохраняют полезных зверей, птиц и рыб, но и расселяют их в те места, где они раньше не водились.

Так, например, Крым заселили нашей обыкновенной белкой. Уссурийского енота привезли с Дальнего Востока в нашу среднюю полосу. Вновь разводят на Кавказе выбитых там раньше зубров, а лосей теперь столько, что их совсем нередко можно встретить в лесах около самой Москвы.

Для того чтобы расселять или разводить животных, нужно хорошо знать их жизнь. Особенно это важно, если зверь или птица содержится в неволе. Ведь на воле условия жизни складываются так, что животные сами могут достать нужный корм и устроить необходимое жилище. В неволе дело другое. В неволе кормит их человек, и нужно знать, как правильно кормить животных.

Давать им всё время один и тот же корм нельзя. Получая однообразный корм, животные часто болеют, не размножаются. Чтобы этого не было, всё крылатое и четвероногое население Зоопарка получает самые разнообразные корма.

Весной, летом, осенью и зимой — четыре раза в год — зоотехники составляют новое меню для своих питомцев. Специальная лаборатория проверяет питательность кормов.

По стране разбросано много зверосовхозов. Зверосовхоз — это питомник пушных зверей. В длинных рядах клеток разводятся такие ценные звери, как соболь, серебристо-чёрная лисица, песец, норка... Но не всегда удаётся вырастить от них молодняк. Диких животных беспокоит всё: непривычный шум, люди... Они стараются унести своих детёнышей от «опасности»: берут малыша в зубы и бегают с ним по клетке, как бы ища место, куда его спрятать. Бегают час, два, три, пока не затаскают насмерть, а потом бросают и берут другого.

Вот почему зверосовхозы строят подальше от города и от непривычного для зверя шума. Ходить туда без дела нельзя. Чтобы не тревожить животных, их наблюдают с вышек, откуда хорошо видно, что делается в клетках, и люди на этих вышках дежурят круглые сутки.

В Зоопарке тоже проводят за животными наблюдения, но вышек там нет. В Зоопарке звери привыкли к людям и не так их боятся. Например, соболи: служители свободно заходят к ним в клетку, ловят их, взвешивают, измеряют. В Зоопарке мимо клеток с кормящими матерями проходят тысячи посетителей. Однако это не пугает соболей. И они выкармливают своих детёнышей не хуже, чем на воле.

В Зоопарке следят за развитием молодняка, и в этой работе немало помогают ребята из кружка юных биологов. Каждому даётся такая работа, которая его больше интересует. Одному нравится изучать рыб, другого интересуют птицы, их жизнь, повадки... Мне же всегда нравились хищники, воспитание их с самого маленького возраста и приручение.

Помню, сколько нового и интересного узнала я в Зоопарке: какими рождаются барсучата, соболята, дикобразы, как растёт весь этот молодняк, как изменяются повадки животных... И каких только у меня не было звериных малышей, начиная от маленького, чуть больше напёрстка, бельчонка и кончая львятами, тигрятами, росомахами! А как обрадовалась я, когда в 1933 году меня назначили заведующей молодняком Зоопарка!

Это было очень трудным делом. Можно было достать книгу, где написано, как выкормить телёнка, но как выкормить детёныша росомахи или рысёнка, не написано нигде. Приходилось нередко учиться на своих же ошибках.

Звериные малыши находились в самых разных концах Зоопарка. Надо было тратить много времени на беготню от одной клетки к другой. И вот тогда мне пришла мысль устроить в Зоопарке специальную площадку, на которой можно было бы не только вос-

питывать здоровый и крепкий молодняк, но и сделать так, чтобы разные животные мирно уживались друг с другом.

Дирекция Зоопарка одобрила мой план и включила «площадку» в строительство. В этом деле мне очень помогли служители, зоотехник Липа Панёвина, практикантка Вита Останевич. Немало пришлось нам поломать голову, как устроить эту первую площадку. Немало волнений и тревог было пережито нами. Зато сейчас, когда все трудности и бессонные ночи далеко позади, сколько приятных и дорогих воспоминаний осталось у меня о тех звериных малышах, которые когда-то воспитывались на площадке молодняка Зоопарка!

Вера Чаплина

Часть первая

МОИ ВОСПИТАННИКИ

Кинули

Без матери

Кинули — это львёнок. Родился он в Зоопарке. Назвала я его так потому, что его кинула мать. Почему львица не стала кормить детёнышей, сказать трудно. Они ползали по клетке, пищали, а она ходила мимо них и как будто не замечала. На другой день после рождения трое львят погибли, а четвёртого, самого маленького, успела забрать я.

Львёнок был совсем холодный и не двигался. Можно было подумать, что он мёртвый, и только чуть заметное дыхание указывало на то, что он ещё жив. Надо было как можно скорее его отогреть. Но где и как, я не знала. Потом вспомнила: в страусятнике стоял заряженный инкубатор, в котором выводили цыплят. Я скорее побежала туда, освободила в инкубаторе небольшое местечко, постелила тряпочку и положила львёнка.

В этот день я домой не пошла: осталась дежурить у малыша, а чтобы дома не беспокоились, позвонила и сказала: «Ждите меня завтра со львёнком». Мама в ответ только ахнула, а соседка, которая взяла трубку, как

узнала, что я хочу привезти домой льва, такой подняла крик, что сбежалась вся квартира. Потом все наперебой кричали, что меня выселят, что заявят в милицию, и вообще было столько крику и угроз, что я не дослушала и повесила трубку.

На другой день я отправилась со своим новым питомцем домой.

Шёл дождь. Было холодно.

Чтобы не простудить львёнка, я положила его за пазуху и села в трамвай. От движения ли трамвая или оттого, что меховая подкладка моего пальто напоминала львёнку мать, не знаю, только он неожиданно завозился. Напрасно я старалась незаметно поглаживать малыша, чтобы его успокоить, — ничего не помогало. Он больно царапался острыми коготками, старался выкарабкаться и вдруг пронзительно мяукнул. Мяукнул — если только можно так назвать этот протяжный, хриплый звук, похожий на скрип двери.

Все пассажиры мгновенно обернулись и с удивлением посмотрели на меня. Не желая, чтобы на меня обратил внимание кондуктор, я поспешила выйти на площадку.

Следом за мной на площадку вышел какой-то гражданин. Он помялся и нерешительно спросил, кто это так странно кричал у меня за пазухой. Я показала ему львёнка, рассказала, откуда его взяла, попросила никому не говорить о львёнке, чтобы меня не высадили из трамвая. Однако, как видно, гражданин слово своё не сдержал, и, пока я доехала до площади Пушкина, у меня перебивал весь вагон. Все хотели посмотреть львёнка, а когда я выходила из вагона, высунулся кондуктор и закричал:

— Гражданка, что же вы мне-то льва не показали?

Пришлось показать и ему.

По дороге я зашла в аптеку, чтобы купить соску. Мне нужна была самая обыкновенная соска, из которой кормят грудных детей, только мягче. Долго искала я нужную. Одна была слишком жёсткая, другая — большая, третья — маленькая. Продавщица мне меняла их несколько раз. Но я никак не могла подобрать годную. Наконец продавщица потеряла терпение и заявила мне, что, если я сама не могу выбрать соску, пусть приходит мать. Пришлось объяснить, что мать — львица, сидит в клетке и прийти не может, что каждая потерянная минута будет стоить львёнку жизни. В доказательство мне пришлось показать продавщице самого львёнка.

Я никогда не думала, что это произведёт такое впечатление. В одну минуту передо мной лежали все соски аптеки. Вероятно, у продавщицы это был первый случай, когда она продавала соску не для ребёнка, а для звериного детёныша. Уже общими усилиями мы выбрали подходящую соску, и я отправилась домой.

Дома нас ждала вся квартира, но в этот день я львёнка никому не показала. Нужно было приготовить ему местечко, согреть его, накормить. Ящичка у меня не было. Пока мой сынишка Толя выбрасывал из чемодана вещи, я отпарывала мех от своей шубы. Он напоминал шерсть львицы, и Кинули в нём лежала спокойно. Тельце новорождённого выделяет недостаточно тепла. Наверно, каждый видел, как подпихивает под себя детёнышей собака, согревает их своим теплом. У львёнка матери не было, и, чтобы согреть его, я клала бутылки с кипятком под мех, и львёнок в этом гнёздышке лежал, как будто около матери.

Слух о том, что у меня живёт лев, быстро облетел весь наш дом. К нам приходили какие-то незнакомые люди поодиночке и компаниями, долго извинялись и

просили показать им льва. В комнату они входили осторожно. Смотрели на львёнка с некоторым разочарованием — уж очень он был мало похож на взрослого льва — и всё-таки подолгу и внимательно его разглядывали, потом благодарили и так же осторожно выходили. На прощание советовали быть осторожней и беспокоились, как бы львёнок не съел меня, когда вырастет.

Все жильцы очень полюбили Кинули, и только моя домашняя работница Маша с первого дня невзлюбила львёнка. Ей приходилось целыми днями открывать и закрывать двери за посетителями, наводить в комнате чистоту, так как Кинули вносила очень много беспорядка. Наша небольшая комната превратилась не то в ясли, не то в лабораторию: вата, вазелин, борная, соски, клизмочки — словом, всё, что нужно, чтобы выкормить младенца, находилось тут, а львёнку нужно было многое.

Кормила я его через каждый час. Как только Кинули просыпалась, я ей давала пузырёк тёплого молока. Пузырёк был крошечный, на две столовые ложки, и кормить Кинули приходилось очень часто, так как в день она выпивала молока целый литр. Чтобы молоко подходило по составу к львиному, я брала сливки и разбавляла их водой. Львёнок перебирал лапками и громко чмокал, высасывая свою порцию.

Возиться со львёнком приходилось круглые сутки.

Когда Кинули спала, вся квартира погружалась в тишину. Все ходили на цыпочках и разговаривали шёпотом, а ребятишки оберегали покой львёнка не хуже взрослых. Не считалась с ним только Маша. Она нарочно гремела в кухне кастрюлями и ругалась: «Завели тут всякую дрянь». А «дрянь» спокойно лежала в

чемодане и посасывала пустышку. Она так старательно сосала её даже во сне, что натёрла себе кружком нос. Пришлось соску отнять. Но Кинули так к ней привыкла, что совсем перестала спать, тыкалась всюду носиком, кричала.

Выручили ребяташки. Толя, Лёня, Славик, Галя и Юрий устроили около Кинули настоящее дежурство. Они составили даже расписание. Кормили её и следи-

ли, чтобы Кинули не кричала. Ребята очень гордились доверенным им делом и хвастались во дворе, что ухаживают за львёнком.

Тем временем я занималась поисками собаки. Одной мне было очень трудно, а собака могла облегчить мою заботу о львёнке. После долгих и упорных поисков я остановилась на Пери. Пери — это шотландская овчарка, жила она в Зоопарке. Молока у неё не было, но она была очень добрая и послушная: никогда не трогала животных.

К новому своему подкидышу Пери отнеслась недоверчиво. Он совсем не был похож на тех зверей, с которыми она встречалась. Когда я положила к ней львёнка, собака зарычала, старалась удрать. Пришлось держать её силой. Но постепенно Пери привыкла к своему необычному питомцу, стала его вылизывать, а это означало, что Кинули усыновлена. Теперь можно было не бояться, что Пери её обидит или бросит. Наоборот, когда подходили чужие люди, она беспокойно ворчала, оберегая львёнка, боясь, как бы его не обидели. В собаке, у которой даже не было молока, вдруг проснулся материнский инстинкт.

Спала Кинули теперь в ящике от гардероба. Ночью я по-прежнему клала ей горячие бутылки; кормила уже реже. Львёнок хотя медленно, но рос. Я уже не так боялась за его жизнь: самое опасное время прошло. На работу я ходила урывками. Маша по-прежнему сердилась, и, уходя, я оставляла около львёнка дежурить практикантов.

На шестой день у Кинули открылись глаза. Сначала левый глазок, потом правый. Глазки были похожи на щёлки и слезились. Ушки у неё поднялись, а ярко-красные губы стали розового цвета. Меня Кинули узнавала сразу. Пила ли она молоко, спала или лежа-

ла около Пери, стоило мне только поднести к ней руку, как Кинули всё бросала и ползла ко мне.

Мой сынишка Толя следил за каждым движением львёнка: «Мама, мама, смотри: Мяученька мой палец лижет!», «Мама, она ползет, повернула голову!». Толя даже обижался, что я назвала львёнка «Кинули». «Ведь мы его любим и совсем не кинули! — жаловался он. — Назовём его лучше «Мяученька» или «Синий глазок». А глазки у Кинули были действительно синие. Такие синие, что почти не было видно зрачка. Видела Кинули плохо. Идёт по комнате и на всё натывается. Уткнётся головой в ножку стула, а как обойти её — не знает. Постоит, постоит и повернёт обратно. Ходила Кинули вперевалочку, как утка. Ноги у неё заплетались, и падала она не на бок, а сразу на спину, совсем как заводная игрушка.

Необыкновенная квартирантка

Со всех концов Союза я получала каждый день письма. Писали дети, старики, женщины. Люди разных специальностей и званий. Присылали конверты с обратным адресом, свои фотографии, стихи, посвящённые Кинули, и все просили написать ответ.

И чего только не писали!

Беспокоились, чтобы Кинули нас не съела. Спрашивали, как ведёт она себя дома и сколько времени думаю её держать. Просили чаще сообщать о ней по радио и обязательно написать книгу. Находились и такие любители, которые спрашивали, где можно достать на воспитание ещё одного львёнка, а если нельзя, то какого я могу им посоветовать взять зверя.

Сначала я пыталась отвечать на эти письма, потом пришлось отказать. Писем приходило так много, что

наш почтовый ящик перестал их вмещать, а почтальон жаловался, что обслуживает только нас.

Не меньше интересовались львёнком и репортёры. Чуть ли не каждый день приходили они к нам. Снимали, как Кинули ест, пьёт, спит, как вылизывает её шерстку Пери.

Маша всё ещё ворчала на Кинули, но теперь уже меньше. Она даже стала мне помогать, а однажды вдруг заявила, чтобы я больше не звала практикантов. «Ребёнка доверила, а за всякую дрянь боишься. Не бойся, не хуже их управлюсь». И верно, Маша управлялась неплохо. Так же как когда-то Толю, она в строго назначенное время кормила Кинули. Её посуда блестела, а салфеточки, которыми вытирали львёнка, были всегда выстираны и выглажены. Когда Кинули пила молоко, она упиралась лапками в Машины руки и сильно царапалась. Глубокие царапины оставались на руках Маши, но Маша не сердилась. Она даже шила для неё пелёнки, перестала звать дрянью, а называла головастиком.

А голова у львёнка действительно была большая, ножки короткие, толстые, а туловище длинное. Крик у Кинули казался сначала одинаковым, потом я стала замечать разницу. По крику узнавала настроение львёнка: чего ему хочется, как он себя чувствует.

Однажды Кинули заболела. Я это заметила, когда она была ещё совсем весёлой. Домашние надо мной смеялись, говорили, что я мнительная, что мне это кажется. Но я оказалась права. На другой день Кинули лежала и ничего не ела. Проболела она десять дней. Всё это время я почти не спала по ночам, поминутно вскакивала, прислушивалась к её дыханию, согревала больную горячими бутылками.

Утром тихо стучались в комнату соседи, спрашивали о здоровье львёнка.

Когда Кинули поправилась и подросла, я стала пускать её по всей квартире. Она спокойно разгуливала по коридору, ванной, кухне, а жильцы очень осторожно ходили, чтобы не наступить на львёнка. Кинули хорошо знала жильцов. У неё были даже свои симпатии и антипатии. Одних она любила, ходила к ним в гости, ласкалась, а на других шипела. Особенно на Марию Фёдоровну — возможно, потому, что у Марии Фёдоровны был громкий, резкий голос, и львёнку это не нравилось. Узнавала Кинули жильцов и по шагам. Одна соседка уехала, когда львёнок был совсем маленьким. Вернулась, когда ему исполнилось два месяца. Услышав её шаги, Кинули насторожилась, крадучись и беспокойно шевеля ушами, подошла к двери и долго, долго прислушивалась.

Меня Кинули узнавала по голосу, по шагам, по запаху. Как только я входила в комнату, она тут же бросалась ко мне и ласкалась.

Кинули была очень весёлой и любила играть. Бывало, придут к ней ребята, станут у дверей и шепчут в замочную скважину: «Кинули! Иди сюда, Кинули!» А Кинули словно понимает: вскочит — и к двери. Поднимется на задние лапки, передней за ручку потянет, откроет и выскочит в коридор. А в коридоре уже никого нет: попрятались ребята. Ходит Кинули, ищет их. Ищет в тёмной ванной, за дверями, в передней. Везде посмотрит. Найдёт и сама прячется. Самое её любимое место было за шкафом. Место узкое, тесное, Кинули в нём едва умещалась. Знают ребята, где спрятался львёнок, да найти сразу нельзя — обидится: уйдёт и больше играть не будет. Ходят ребята, посмеиваются, а сами делают вид, что найти не могут. Друг друга спрашивают: «Где Кинули? Куда делась Кинули?» И так до тех пор ищут, пока она сама не выскочит.

Самой интересной игрой считалась «охота на льва». Ребята выходили в коридор и делились на две партии. Одна становилась в одном конце, другая — в другом, а посередине — Кинули. Притаится и ждёт. Вон Юра бежит быстро-быстро мимо львёнка. Прыгнет Кинули, словно кошка на мышь. Поймает за ноги — значит, охотник убит, заденет — ранен, а ушёл — проиграла сама. Только проигрывала она редко, а как стала побольше, не проскочит никто: обязательно поймают.

Весело было Кинули с ребятами. Зато как скучала она, когда разъехались ребята летом по дачам! Уехали и Толя с Машей. С дороги Толя писал: «Дорогая мама, не знаю, как быть: ехать дальше или вернуться обратно, потому что скучно без Кинули». Скучала и Кинули. Она привыкла целые дни возиться, играть. Теперь же, когда я уходила на работу, она оставалась с Пери, а Пери была собака спокойная и играть не любила. Тогда я решила взять для Кинули в товарищи рысёнка.

Таска

Как и Кинули, Таска родилась в Зоопарке. Её мать, большая жёлтая рысь, первые два месяца заботливо ухаживала за своими малышами: вылизывала их, кормила, а если кто-нибудь из посетителей слишком близко подходил к решётке, бросалась. Росли рысята хорошо. Они уже начали есть мясо, вылезали из домика, играли. В такие минуты около клетки собиралось много народу. Всем хотелось посмотреть на игры зверюшек, подойти поближе, и, возможно, поэтому их стала таскать мать. Она взяла рысёнка и всё бегала с ним по клетке. Напрасно кричал и вырывался малыш — ничего не помогало. Не помогли и крики публики. Когда прибежал служитель, уже было поздно: рысёнок лежал мёртвый, а рысь таскала другого. С большим трудом отняли его у матери.

Передняя лапка его была сломана, а повреждённый глаз затянуло плёнкой. Из всех оставшихся рысят он был самый слабый — такой маленький, худой, скучный. Спрячется в домик и сидит там целый день.

Рысёнок был настолько плох, что я решила взять его домой. На другой же день спросила разрешения у директора, завернула малыша в халат и повезла. Приехала, поднимаюсь по лестнице, а сама волнуясь: как-то меня дома встретят? Отпираю дверь, вхожу в комнату, а муж смотрит, что это я такое принесла. Вынимаю я рысёнка, а он как закричит: «Это что за гадость? Тебе что, льва мало? Или завтра ещё слона приведёшь?» Тут уж я не стерпела: «Во-первых, это не гадость, а рысь; во-вторых, была бы комната больше, я и слона бы привела». Ничего не ответил муж, только рукой махнул. Впрочем, он тут же вернулся и стал мне помогать устраивать рысёнка.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия 5

Часть первая

МОИ ВОСПИТАННИКИ

Кинули	15
Без матери	15
Необыкновенная квартирантка	21
Таска	25
Неудачное знакомство	26
На свободе	28
Не сошлись характерами	30
Вместе тесно, врозь скучно	33
Смерть Таски	34
Опять одна	35
На новом месте	37
Прогулки	40
Четвероногая «артистка»	43
Последняя соска	46
Перемирие	47
Лев на улице	49
На празднике	52
Больная	54
Кинули становится взрослой	57

Случай с жуликом	60
Любовь победила	63
День рождения	67
В зоопарке	70
Разлука	77
Встреча	79
Волчья воспитанница	82
В чужой клетке	82
Оправданная кличка	84
Зверь становится собакой	88
МАЛЫШКА	96
Самая смышлёная	96
Наказанная жадность	98
Резиновый товарищ	99
Разоблачённая хитрость	101
Побег	102
ПАМЯТЬ ЗВЕРЯ	104
Фомка — БЕЛЫЙ МЕДВЕЖОНОК	112
Четвероногий пассажир	112
Секрет болезни	115
Фомка знакомится...	117
Фомка становится опасным	120
НЯЯ — ВЫДРЁНОК	124
Маленький приёмыш	124
В родной стихии	126
В зоопарке	129
Побег	133
КУЦЫЙ	137
ОБЫКНОВЕННАЯ КОШКА	144
НЮРКА	150
ЧУЖОЙ	155
ТЮЛЬКА	160
ЛОСЬКА	165
Первое знакомство	165
Друзья	166
Наказанный лакомка	168
В роли заступника	170
Ревность	171
Конец	174
АРГО	176
Арго становится взрослым	178

Ненависть волка	179
На новом месте	181
Арго — киноартист	181
Раджи	185

Часть вторая

ПИТОМЦЫ ЗООПАРКА

Крокодилы	195
Посылка	195
По часам	198
Соперники	200
На летнюю квартиру	204
Хвастливый стекольщик	206
Интересное событие	209
Тайна маленького геккона	212
Кондор	222
Росомаха	228
Кровожадный зверёк	233
Необычная клетка	239
Мусик	245
Первые затруднения	248
Проказник	251
На новом месте	254
Обучение Мусика	255
Встреча	258
Волк вернулся в клетку	260
Крылатый друг	269
Лебеди	269
Первый выводок	271
Питомец	275
Крылатый друг	278
Как зоотехник перехитрил оленей	280
Медвежонок	285
Копуша	285
В гостях у ребят	286
Неудавшаяся съёмка	289
Гнездо 13	293
Белла	301

Живой подарок	307
Лисок становится взрослым	309
На новом месте	311
Догадливый лев	316
Галины питомцы	320
Экзамен	331
«Домовой» в зоопарке	333
Невыдуманный случай	338
Вайгач	344
Уголёк	350
Случай с оленем	357
ШАНГО	361
На свободе	362
Ненависть Шанго	365
Коварный слон	367
Опять один	369
Молли	372
Маленький москвич	374
МАРЬЯМ И ДЖЕК	379
Неудачное знакомство	381
На новом месте	382
Марьям находит друга	384
Неразлучники	385
На съёмке	385
Заключение	394

